

Поэзия

«Моя хрустальная дорога»

✍ Сергей Рыков

Знаешь, так хочется жить,
Без поминальных свечей.
Если дружить – так дружить,
Не пряча счастливых очей.
Если любить – так всласть,
И видеть вокруг красоту.
И если случайно упасть,
То только не в пустоту.
А коли придёт беда
И понесут за порог,
Пусть это будет – среда,
Прохладно, и ветерок.

Собирал мать-мачеху
И сдавал в аптеку.
Был сопливым мальчишкой –
Бабкам на потеху.
И желал им здравия.
Был браним за шалости.
Не стремился к славе я
И не знал усталости.
Отдохну под клёном я
По пути в аптеку.
А юнцы зелёные
Шмыг на дискотеку.

Читаю, как в последний раз,
Я перед публичкой стихи.
Передаю десяткам глаз
Свои вчерашние грехи.
Смотрите, люди, – я живой,
Не лучшие и не хуже вас.

Господь качает головой,
Наверное, в сто первый раз.

На заборе мелом
поздравляют маму..
В доме престарелых
Катя моет раму.
И её ладошка
всё скользит по кругу –
Будто бы приветствуя
дорогого друга.
Вот свободна комната
от мирского хлама –
На задворках кладбища
похоронят маму.

Номера присвоены поэтам,
Будто соревнуются опять.
«Лучшие» висят по кабинетам –
Время поворачивая вспять.
Может быть,
они чуть лучше жили?
Меньше гнили в тундре и тайге?
Но и мы, конечно, заслужили –
Личный номерочек на ноге.

Да, я не был ребёнком хорошим,
Как попало уроки учил,
Оттого вот и сел я в калошу,
Ту, что в детстве ещё промочил.
Я не жду тишины и покоя
И теперь – в бороде и усах –
Гордо я выхожу из запоя
В потускневших семейных трусах.

Справка «ММ»

Стихи Сергея Рыкова (1975–2020) – откровенный разговор с читателем. Филолог, литературовед, член Союза российских писателей Татьяна Таянова в предисловии к книге «Личный номерочек на ноге» (12+) пишет: «Поэзия Рыкова неброская и лаконичная. Он может сжать жизнь в несколько строк, так, что ей не будет там тесно. Его герой не интроверт, ему интересны характер и настроение народа, дух времени. Он говорит для читателя, а не внутрь, умеет и, кажется, хочет давать нравственные уроки, лишённые правоучительной навязчивости. Имеет право, ведь у него оголённая совесть и нет лукавого честолюбия»..

Сергей Рыков

Разложу таблетки,
Их пересчитаю.
И опять почудится –
Чего-то не хватает.
Красная, зелёная –
Вышел светофор.
Но вкус вина креплёного
Помню до сих пор.

Отражалась в рюмке –
полная луна.
И была та рюмка выпита до дна.
За здоровье налита иль за упокой
Утончённой, ласковой
женскою рукой?
Песня незнакомая, ветхие кресты..
Уходил из дома я, и смеялась ты.

Без претензий на сложное –
Делаешь невозможное.
Хотя ждать, вроде, нечего –
От прошедшего вечера.
Не всегда получается,
Но не стоит печалиться.
Шкура, с виду, – ослиная,
А душа – журавлиная..

В жизни у меня есть койко-место,
Больше не осталось ничего..
Это ложь, что не бывает тесно.
Ложь, что не бывает тяжело.

Кто-то скажет –
есть за всё расплата –
Всё твои вчерашние грехи.
Если я пред кем-то виноватый,
То лишь в том, что я пишу стихи.

Знаю, что рифмую просто,
Но не извиваюсь и не лгу.
Человеком – маленького роста –
Я по краю пропасти бежу..

А люди брэнчали,
что умер он рано..
Что молод, талантлив
и даже красив.
Что мог стать звездой
он телеэкрана
И написать ещё лучший свой стих..
Но вдоволь вкушивший
и зрелищ, и хлеба,
Он знал, что уход его
был предreshён.
И вот он шагает под куполом неба,
Откинув засаленный капюшон.

В детстве дружили иначе,
Просто с теми, кто есть.
Пинали потрёпанный мячик
И дружбу считали за честь.
Имели конкретные планы –
На яблоки в детском саду.
Делили судьбу, и бананы,
И прочую ерунду.
Нам выпало время простое
И чистые небеса.
За дружбу я выпил бы стоя,
Но стихли друзей голоса..

Зеркало старело год от года
И не понимало, почему
На суставы действует погода
И давление меняет ко всему.
И не знаю – наемкнути бы тонко:
Мол, всё хлам и, в общем, ерунда,
Что неплохо смотрятся коронки
И, уже седая, борода.

И я взрослел: неряшлив и небросок,
Под лязг и звоны битого стекла.
И слышалось вдогонку:
«Недоносок».
И всё-таки судьба уберегла..
Уберегла от жадности и лести,
От подлости и дьявольского зла.
И знаю я, что бог, конечно, есть.
Иначе для чего мне два крыла?

Имя в литературе

Второе рождение

Александр
Завалишин

В марте 1968 года коллектив драмтеатра имени А. С. Пушкина вместе с режиссёром Анатолием Резиным поставил спектакль «Стройфронт», возродив забытую пьесу Александра Завалишина и создав яркий, незабываемый образ строителей Магнитогорска.

На тот момент героическая эпопея «Стройфронт» была единственным произведением, которое удалось разыскать в литературном наследии драматурга Александра Завалишина. Пьесу обнаружили в библиотеке Всероссийского театрального общества. Прочитав её, режиссёр Анатолий Резинин понял, что пьеса будет иметь успех у зрителя, особенно у магнитогорского.

Откуда писателю была детально известна обстановка тех дней, люди и события? Александр Завалишин родился в уральской станице, неподалёку от мест, где проходило строительство металлургического гиганта. Став известным журна-

листом, приехал на Магнитострой по заданию Союза писателей. И вся история строительства плотины прошла на его глазах. Инженер этой стройки Глухов, проживавший в Магнитогорске, вспоминал, что Завалишин очень точно передал атмосферу тех лет, создал живые образы строителей плотины. Он вспомнил, что прототипом одного из героев пьесы – секретаря райкома Рязанцева – стал бывший политкаторжанин, страдавший туберкулёзом. Эту деталь использовал заслуженный артист Северо-Осетинской АССР Шуров при работе над образом Рязанцева. Прототипом образа начальника строительства 2-й плотины Стаканова стал советский инженер Степанов. Он и его жена участвовали в строительстве Днепрогэса. О Степанове рассказал бывший его шофёр магнитогорец Ожиганов. Артисту Морозову, исполняющему роль Стаканова, эти сведения оченьгодились. Честность, бескорыстие, высокая принципиальность, жесты, походка Степанова легли в основу образа, созданного Морозовым. Постановка пьесы «Стройфронт» – большое событие в культурной жизни Магнитогорска.

Летом 1971 года делегация магнитогорцев побывала в селе Кулевчи на празднике, посвящённом 80-летию со дня рождения писателя – уральца Александра Завалишина. Село, где родился и вырос писатель, расположено в Варненском районе Челябинской области. Магнитогорцев встретила сестра писателя Мария Ивановна Завалишина, которая сообщила много интересных подробностей о брате: «Жили мы на окраине села в маленьком домишке, нужда была постоянным спутником нашей дореволюционной жизни. Малыши сидели дома, дожидаясь своей очереди надеть стоптанные башмаки, кое-как заштопанное

пальтишко. Нас в семье было более десяти. А кормильцев двое – мать с отцом, пробивавшиеся скудными заработками на сельской подённойщине. Саша, помню, любил читать сказки и сам их сочинял. С 12 лет он пошёл работать пастухом. Александр участвовал в гражданской войне».

«Родился Александр Иванович в бедной казачьей семье. Его дед сражался с турками, после ранения ходил на коленках – ноги не разгибались. Отец – участник русско-японской войны, награждён крестами и медалями. Вернулся раненым, больным. Вozил почту за крошечное жалованье. Семья еле сводила концы с концами. Александр в детстве пас уток, батрачил. Три зимы учился в казачьей школе, окончил её с похвальным листом. Писал красиво, потому был взят в переписчики, – писала краевед, двоюродная племянница писателя Зоя Дудина. – С военной службы в войсковом хозяйственном управлении в Оренбурге был уволен из-за плохого зрения. Работал в земстве и губернском правлении писцом, машинистом на «Ремингтоне» и

статистиком. Всё это время занимался самообразованием.

Начал писать рассказы. В 1911 году в Оренбурге сборник «Серый труд» с его рассказом конфисковали из-за «крамольного» содержания. В 1915 году Завалишин поступил в народный университет имени Шанявского в Москве. Зарабатывал на бойнях, возил овчины, был экспертом по валенкам, чулкам, овчинам на складе земсоюза.

Принял активное участие в февральской революции. По своей инициативе разагитировал автомобильную роту и индентантскую команду и привёл их в главный штаб на площадь Революции. Выдвинут от рабочих и служащих членом конфликтной комиссии при Главном комитете Всероссийского земсоюза. В августе 1917-го в Оренбурге казаками избран в войсковые секретари Оренбургского войскового правительства. Но в декабре 1917 года на казачьем войсковом круге назвал правительство Дутова нечестным, высказался за большевиков и сложил с себя звание войскового секретаря. Не каждый казак мог в то время публично признать большевистские Советы. В

1918 году избран членом президиума Оренбургского Совета казачьих депутатов, назначен редактором «Троицких известий». После захвата Троицка белочехами и дутовцами выехал на север Томского уезда в Нарымский край. Здесь участвовал в партизанском движении, а после освобождения Томска от Колчака заведовал отделом народного образования.

За короткую и напряжённую жизнь Александр Завалишин издал 17 сборников с рассказами, повестями, очерками и пьесами. Уже в двадцатые Завалишин становится профессиональным писателем, но не порывает с журналистикой. Очерки и фельетоны – его рабочий жанр до последних дней».

В январе 1938 года Александр Завалишин был арестован. В качестве одного из обвинений была использована пьеса «Партбилет», в которой писатель жёстко критиковал партработника В. апреле того же года приговорён к высшей мере наказания; в тот же день расстрелян на полигоне «Коммунарка». В 1956 году реабилитирован посмертно.

✍ Елена Брызгалина

Вход на спецобъект «Коммунарка» (Москва), где в 30-х годах приводили в исполнение расстрельные приговоры